

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
ПИИЦ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 8.771
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

SOI: [1.1/TAS](#) DOI: [10.15863/TAS](#)

International Scientific Journal Theoretical & Applied Science

p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online)

Year: 2024 Issue: 05 Volume: 133

Published: 08.05.2024 <http://T-Science.org>

Issue

Article

Viktoria Sergeevna Dvoryashina
Uzbek State World Languages University
Department of World Literature,
senior lecturer,
Tashkent, Uzbekistan
terra-dvs@mail.ru

HUMOR AS A STYLISTIC DOMINANT IN JOHN STEINBECK'S “RUSSIAN JOURNAL”

Abstract: The article examines humor as one of the striking stylistic features of the report on the trip of writer John Steinbeck and photographer Robert Kapa to the Soviet Union. It is noted that the techniques of speech comedy not only give an entertaining story about the stay of Americans in a country that was an ideological opponent of the United States during the Cold War, but also act as a means of evaluating what they saw, and also participate in the implementation of the strategy to which the author resorts to create an image of an American traveler. It is established that humorous assessments in the “Russian Journal” arise in two typical situations: firstly, humor acts as the most important characteristic of a simple person - the main object of the image in Steinbeck's work. In this case, the ability to produce humorous statements and perceive humor is interpreted by the author as an opportunity to achieve mutual understanding between peoples. In turn, the seriousness that permeates the entire social life of the country is considered by the traveler as a result of the influence of ideology, which becomes an indicator of lack of independence, stereotypical thinking in the conditions of the growing confrontation between the two systems. To demonstrate the absurdity of such a situation and express his negative attitude, the author of the “Russian Journal” actively uses the technique of comic playing off existing stereotypes.

Key words: humor, speech comedy, style, American, Americanism, stereotype.

Language: Russian

Citation: Dvoryashina, V. S. (2024). Humor as a stylistic dominant in John Steinbeck's “Russian journal”. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 05 (133), 18-25.

Soi: <http://s-o-i.org/1.1/TAS-05-133-6> **Doi:** <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2024.05.133.6>

Scopus ASCC: 1208.

ЮМОР КАК СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ДОМИНАНТА В «РУССКОМ ДНЕВНИКЕ» ДЖОНА СТЕЙНБЕКА

Аннотация: В статье рассматривается юмор как одна из ярких стилистических особенностей отчета о поездке писателя Джона Стейнбека и фотографа Роберта Капы в Советский Союз. Отмечается, что приемы речевого комизма не только придают занимательность рассказу о пребывании американцев в стране – идеологическом противнике США в годы «холодной войны», но и выступают в качестве средства оценки увиденного, а также участвуют в реализации стратегии, к которой автор прибегает для создания образа американского путешественника. Установлено, что юмористические оценки в «Русском дневнике» возникают в двух типичных ситуациях: во-первых, юмор выступает как важнейшая характеристика простого человека – главного объекта изображения в творчестве Стейнбека. В этом случае умение продуцировать юмористические высказывания и воспринимать юмор трактуется автором как возможность достичь взаимопонимания между народами. В свою очередь, серьезность, пронизывающая всю общественную жизнь страны, рассматривается путешественником как результат воздействия идеологии, что становится показателем несамостоятельности, стереотипности мышления в условиях набирающей силу конфронтации двух систем. Для демонстрации абсурдности подобного положения и

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 1.582	РИИЦ (Russia) = 3.939	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 8.771	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 7.184	OAJI (USA) = 0.350

выражения своего негативного отношения автор «Русского дневника» активно использует прием комического обыгрывания существующих стереотипов.

Ключевые слова: юмор, речевой комизм, стиль, американский, американизм, стереотип.

Введение

«Русский дневник» американского писателя Джона Стейнбека – один из наиболее интересных, сохраняющих актуальность отчетов зарубежных путешественников о посещении страны Советов. Опубликованный отдельными частями сначала в газете «Нью-Йорк Геральд Трибьюн» в 1947 г., а затем, в 1948 г., вышедший отдельной книгой, он и по сей день рассматривается как один из наиболее достоверных источников информации о жизни Советского Союза в ранний послевоенный период. Более того – в контексте современной международной ситуации эта журналистская работа Стейнбека, в которой текст взаимодействует с фотографиями, выполненными фотографом Робертом Капой, в течение нескольких последних лет активно воспринимается исследователями по обе стороны океана как своеобразный «ключ» к менталитету, ценностям и образу жизни двух народов, который позволил бы лучше понять причины сложностей, возникающих во взаимоотношениях двух государств на мировой арене. Однако наличие противоречивых оценок авторской позиции по отношению к увиденному, неоднократно отмеченная стейнбековедами тривиальность выводов и обобщений, представленных в «Русском дневнике», как и сама невозможность воспринимать подобные произведения вне контекста активного идеологического противостояния, вышедшего с момента публикации книги на новый виток, приводят к тому, что содержательная глубина ее до сих пор не декодирована, что диктует необходимость новых интерпретаций.

Обзор источников.

На русском языке произведение Стейнбека вышло отдельной книгой в 1989 г. в издательстве «Мысль» в переводе Е.Р. Рождественской, в 1990 г. оно было опубликовано в журнале «Знамя». В новом столетии появился и новый перевод «Русского дневника», выполненный Е. Кручиной (2017). На сегодняшний день российскими исследователями опубликован ряд статей, предметом рассмотрения в которых является, главным образом, созданный автором образ Советского Союза, соединяющий в себе авторское восприятие различных регионов страны, картины трудного послевоенного быта поколения победителей фашизма – военных, интеллигенции, простых тружеников-крестьян, зарисовки повседневной жизни в больших городах – Москве, Сталинграде, Тбилиси, Киеве и в провинции. Из последних работ на русском языке необходимо

отметить статьи Д. Колисниченко «Русский дневник» Джона Стейнбека: почему получилось вкусно, но поверхностно» [12], Е.Г. Олейниковой «Послевоенный Сталинград глазами Джона Стейнбека: социальная действительность и планы развития» [2], Л.И. Казаковой (Ждановой) «Стейнбек в СССР: взгляд из-за «железного занавеса» (1945-1960) [3].

В предисловии к последнему печатному изданию «Русского дневника» на английском и русском языках В. Познер обратил внимание не познавательную, а на художественную ценность этого произведения, написанного «необыкновенно метким, ёмким языком», благодаря которому тревелог Стейнбека «читается не просто легко, он просто проглатывается, оставляя во рту необыкновенно богатый вкус» [4]. Юмор и комизм – важный признак стилистики, на который указала, в частности, известный стейнбековед С. Шиллинглоу в предисловии к изданию книги в новом переводе на русский язык. [5] Вместе с тем именно стилистический аспект «Русского дневника» до настоящего времени не становился предметом серьезного изучения в работах русскоязычных и зарубежных ученых. Соответственно, исследованию не подвергались ни образ автора, формируемый в том числе и языковыми средствами, ни стратегии и средства создания комического (сатирического и юмористического) освещения наблюдаемых Стейнбеком в СССР особенностей устройства различных сфер жизни, на которое оказывала влияние идеология полного централизованного контроля. Между тем, по наблюдениям К.С. Пейрл, колебания между юмористическим и серьезным подходом к объекту изображения – это одна из важнейших особенностей мировосприятия писателя, проявившееся и в анализируемой в рамках данной статьи журналистской работе Стейнбека. [6, 98] В «Русском дневнике» с нами говорит большой писатель, тяготеющий к предельной четкости стиля, да еще и наделенный изрядным чувством юмора (в этом плане «Дневник» Стейнбека интересно сравнить с путевыми заметками Драйзера, который побывал в Союзе еще до войны и которому, похоже, чувство юмора ампутировали при рождении)». [7]

Результаты.

«Несвоевременную» книгу Стейнбека отличает особая стилистика, основным признаком которой является взаимодействие сжатых, предельно объективных по характеру зарисовок увиденного и комическая (юмористическая по

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 8.771
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

преимуществу) оценка наблюдаемых в чужой стране явлений. Объекты, попадающие в сферу наблюдения Стейнбека, можно разделить на 2 группы: простой человек, труженик, вынесший на своих плечах все тяготы войны (по отношению к этому объекту автор стремится, по словам Л. Ждановой, «подчеркнуть то общее, что объединяет простых советских людей с американцами, о которых он когда-то писал в своих «Гроздях гнева») и авторитарно-бюрократическая система в ее воздействии на сознание и поведение советского человека («скрытая неприязнь к диктатуре советской власти, которая будет усугубляться в нем с годами»). [8] Именно последняя подвергается критике за свою косность, неповоротливость, ограниченность. Источником комизма в изображении и оценке проявлений системы выступает несовпадение взглядов демократически ориентированного путешественника, склонного шутить в традиционной для американцев манере над всем, что представляется ему стесняющим свободу выражения оценок и мнений. Юмор же (способность порождать юмористические высказывания и воспринимать их) неоднократно определяется американским писателем и журналистом как важнейшая характеристика, свидетельствующая о нестертости индивидуального начала в человеке, как способ узнавания в нем этой индивидуальности. В этом смысле равнозначно интересными для иностранцев оказываются как украинская крестьянка, отпускающая грубоватую шутку, и вождь мирового пролетариата, чей музейный образ, очевидно, идеологизирован и схематичен: “Everything about this man is here everything except *humor*. There is no evidence that he ever, in his whole life, had a *light or a humorous thought, a moment of whole-hearted laughter or an evening of fun*. There can be no doubt that these things existed, but perhaps that historically he is not permitted to have them”. [9, 35] Фигура же переводчика Ивана Хмарского, старательно выполняющего поставленную перед ним задачу создания положительного образа системы, выглядит смешной и порой жалкой именно потому, что он либо не в состоянии понять юмор собеседников, либо опасается рассмеяться, нарушив тем самым инструкции и выйдя из роли, чтобы не показать свое подлинное, личное отношение: «Освобождения от по-настоящему суровых социальных запретов комическое и вызываемый им смех не дает». [10] Сама идея о вмешательстве центра как некой коварной силы, препятствующей осуществлению планов путешественников, концентрируется в образе «кремлевского гремлина», который преследует переводчика Хмарского в его поездках с иностранцами (некоторые исследователи, например Л. Жданова, полагают, впрочем, что

реалия «греmlin» выступает у Стейнбека исключительно в качестве прозвища самого Хмарского). Сам образ гремлина имеет фольклорную природу, и его происхождение Стейнбек поясняет в начале рассказа о серии поездок в компании переводчика. Жаргонизм «греmlin» - «бесенок, вызывающий технические неполадки», как известно, использовался в речи военных летчиков для комической характеристики достаточно серьезной стрессовой ситуации неожиданной и необъяснимой поломки техники, а затем приобрел значение «нарушитель спокойствия». [11, 34] Американские гости упоминали о гремине тогда, когда, словно по чьей-то злой воле возникали непреодолимые для иностранцев препятствия в осуществлении их планов. Парадокс заключается в том, что шутка, призванная разрядить излишне серьезную атмосферу, по словам путешественника, оказалась слишком жестокой, поскольку собеседник не смог или побоялся отойти от предписанной ему идеологизированной линии поведения: «In the Soviet Union we don't believe in ghosts». [9,46] Настоящий жизнерадостный смех, выявляющий общечеловеческую способность замечать смешное, с точки зрения американского гостя, не может оцениваться в идеологических категориях. Неслучайно смех другого переводчика – Светланы Литвиновой – определен в «Русском дневнике» как «недекадентский»: именно этим смехом Лана смеется, преодолев в общении с американцами сформированные под влиянием пропаганды представления об американской культуре как выразительнице исключительно декадентских, упаднических настроений.

Остроумная характеристика мифологического существа («кремлевский»), заявляющего о себе регулярными срывами запланированных визитов и договоренностей (заказанный автобус не приезжает, вылет срывается и т.д.) дана не просто по созвучию: она подчеркивает, что журналист и фотограф прекрасно понимали стремление принимающей стороны отрежиссировать все встречи, все визиты таким образом, чтобы они служили формированию исключительно положительного образа страны и системы. Хмарский, сражающийся со своим гремлином, - сквозной юмористический мотив, который придает своеобразную увлекательность рассказу о поездке, ориентированному на заинтересованное восприятие американских читателей.

На протяжении всей поездки Стейнбек замечал и интерпретировал любые формы и оттенки смеха в сфере массовых коммуникаций (цирк, сатирические журналы), включая в «Русский дневник» комментарии того, как они отражают отношение людей к миру и к политике (цирк, сатирические журналы). Серьезность

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
ПИИЦ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 8.771
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

отношения к явлениям - качество само по себе положительное – в «Русском дневнике» может характеризоваться не только как знак морально-волевой мобилизации граждан, поднимающих из руин разрушенную после войны страну, но и как недостаток, указывающий, прежде всего, на близость к идеологическому центру, не поощряющему смех, не поставленный на службу интересам системы и идеологическому и ценностному противостоянию с Западом. «Определить – что такое юмор? – чрезвычайно трудно. [...] Сатира поддается определению гораздо легче. [...] Одно из главных свойств юмора – именно его беспредметность, его бесполезность, бесцельность, ненужность [...] Когда мы были в России – вся Россия смеялась, потому что вся жизнь есть смех и творчество. Теперь – разве Петербург смеется? Разве Москва смеется?» - писал А. Аверченко, эмигрировавший после революции в Европу. [12, 51; 59] Подобно ведущему автору журнала «Сатирикон», Стейнбек обратил внимание на то, что жизнерадостный, веселый и примиряющий смех не пользуется популярностью в государстве: «They showed us a copy of the Soviet humorous magazine, called Krokodil, and translated some of the jokes. But they were not *laughing jokes*, they were *sharp jokes*, *critical jokes*. They were not for laughter, there was not *gayety in them*». [9, 43] Москва как столица, центр, где сосредоточена политическая власть, формулируются транслируемые в массы идеологические установки, предстала перед путешественникам «очень серьезным городом» (“a very serious city”), в то время как наблюдения за поведением украинцев, киевлян и жителей провинции, не обходятся в «Русском дневнике» без указания на улыбки на их лицах и жизнерадостный смех. “They did not slouch when they walked, they shoulders were back, and they laughed in the streets”, - пишет Стейнбек, противопоставляя киевлян москвичам.

Тщательно выписана Стейнбеком сцена в одном из украинских колхозов, в которой милое его сердцу свидетельство жизненного оптимизма, свойственное простому человеку-труженику, прорывается как в любви дружным трудом энергичных украинских колхозниц, так и восторгом от жизнерадостной атмосферы, царящей на огуречном поле: босые, потерявшие на войне мужей, много и тяжело работающие женщины громко смеются над солеными шутками, адресованными фотографу Капе, чем сразу же нарушают официальный характер визита американцев, в котором организаторами была предусмотрена каждая мелочь. “And Capa said, - Perhaps you'd marry me now?” - She rolled back her head and howled with laughter. - “Now you, look! - she said. - If God have consulted the cucumber before he made man, there would be less unhappy women in

the world”. - The whole field roared with laughter at Capa”. [9, 75] Да и на возможность взаимопонимания между народами Стейнбек указывает через фиксирование схожести в юмористических оценках мира, выраженных, например, в услышанном на Украине анекдоте, очень похожем на шутку, бытующую на родине автора: “And then Korneichuk told a saying which I had always believed was native to California. It is the description by a heavy eater concerning the nature of the turkey, in which he says, “The turkey is a very unsatisfactory bird, it is a little too much for one, and not quite enough for two”. Apparently, the Ukrainians have been saying it for hundreds of years, and I thought it was invented in my home town. [9, 65]

Если юмор в «Русском дневнике» предстает как признак гибкости мышления, свободы от сковывающих его идеологических догм, то в качестве оппозиции юмористическому восприятию мира автор произведения включает в текст многочисленные стереотипы, особенно подробно останавливаясь на тех, которые транслируются обществу при помощи литературы и шире – искусства. Представления русских и американцев друг о друге в «Русском дневнике» предстают как парадоксальный результат взаимодействия незнания и пропаганды. Именно последняя зачастую широко использует стереотипы в целях формирования отрицательного образа Другого. Ссылаясь на концепции западных ученых, Я.Н. Засурский отмечает, что стереотипы «отучают человека анализировать явления, критически их оценивать, приучают принимать их безоговорочно. [...] Соответствующий набор символов, стимулов воздействует на человека, с одной стороны укореняя его веру в существующий строй, вызывая положительные эмоции - одобрение, симпатию, а с другой - вызывая негативные эмоции - чувства страха, ненависти, гнева ко всему, что этому строю угрожает». [13]

Однако Стейнбек не ограничивается указанием на наличие, воспроизводство стереотипов как редуцированных образов «другого», оперирование которыми способствует «экономии ментальных усилий», подменяя процесс самостоятельного выведения нового знания соотношением фактов и явлений с уже известными моделями. [14, 222] Подробный перечень стереотипов сочетается в «Русском дневнике» с их комическим обыгрыванием, смеховым разоблачением удобных с идеологической точки зрения моделей, поддерживающих в обществе взаимное недоверие, препятствующих взаимопониманию между народами. Вошедшее после Фултоновской речи Черчилля 5 марта 1946 г. в активный политико-пропагандистский словарь послевоенных лет выражение «железный

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
ПИИЦ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 8.771
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

занавес», подразумевавшее распределение сфер идеологического влияния между СССР и его бывшими западными союзниками и ставшее синонимом изоляции, в интерпретации Стейнбека выступает как свидетельство умственной ограниченности политиков, строящих планы новых войн, что в одном из произнесенных путешественником тостов подчеркивается при помощи внутренней рифмы и продуцированием новых метафор, отличающихся наличием оценочных коннотаций от метафоры-стимула: “And we proposed a toast to the abolishment of curtains of all kinds – of iron curtains, and of nylon curtains, and the political curtains, and curtains of falsehood, and curtains of superstition”. [9, 181] Мастерски и неоднократно высмеивает автор уничижительное слово-ярлык «декадентский», распространяющийся пропагандой практически на все материальные явления, характеризующие западный образ жизни. «Героем» одного из юмористических пассажей в «Русском дневнике» становится реалити «коктейль», представляющая которую «декадентской», русские – из-за отсутствия прямых контактов с западным миром – не знают ничего о правилах приготовления коктейлей. Здесь, получив комическую трансформацию, уничижительная оценка «декадентский» наполняется прямым, а не идеологически мотивированным смыслом: коктейль, составленный из 12 ингредиентов, действительно, может свидетельствовать о пресыщенности и болезненных изысках: “The Russians, when they make cocktails, seem to believe that then more ingredients the better the cocktail. There was one that we tested which had twelve different liquors in it. Wo forgot what it was called. We didn't want to remember. We were a little surprised to find cocktail bars in Russia, since the cocktail is a very decadent drink. And surely the Kiev cocktail and the Moscow cocktail are the most decadent cocktails we have ever tested”. [9,108]

Смешной представляется автору само стремление давать оценку бытовым по своему характеру явлениям с позиции идеологии. В этом случае комизм основан на несопадении масштабов двух явлений – глубины философских обобщений и серьезности философской терминологии, с одной стороны, и бытовой ситуации – с другой. Стоило Хмарскому, переименованному Стейнбеком и Капой в Кхмарсиста (the Chmarxist), вмешаться в разговор раздраженных срывом планов посещения завода друзей, с термином «релятивизм», как их гнев обратился против него. В комическом по характеру пассаже обычный бытовой спор представлен как сражение двух философских систем: “During our argument Chmarsky said that we were *relativists*, and we, not much knowing what relativists are, banded together and attacked him from

the point of view of relativism fairly successfully”. [9, 132] С позиций релятивизма, в идеологически обоснованной и поэтому комически серьезной стилистике излагается в «Русском дневнике» другой случай, произошедший с путешественниками в Грузии, когда незнакомая женщина пригласила их потанцевать. Малозначительный эпизод в передаче автора предстал в виде развернутой социально-политической программы с соответствующей контексту терминологией: “social evil”, “social injustice”. “social difficulty”, “private enterprise”. Играя на антонимичных характеристиках “ugly” – “pretty”, автор не только демонстрирует свое неприятие практики рассматривать совершенно незначительные события с точки зрения определенных социальных теорий, но и неприятие самих социальных теорий, в которых человек интересен только лишь в аспекте соответствия его определенным социальным критериям: “We think that an ugly public woman is a threat to the whole structure of society, a threat to the home, and security, and mother love, and all things like that”. [9,154]

Напряженность идеологического противостояния, затронувшего сферу культуры, ощущается в «Русском дневнике» постоянно. О том, какие формы она принимает, Стейнбек пишет с тем самым неподражаемым юмором, который охарактеризовал в свое диссертации К.С. Пейрл: «Частое использование сочетания языкового комизма, комичность идеи, характера и ситуации объединяются в превосходные комические эпизоды». [6, 98] Стейнбек – неподражаемый мастер пародий, умеющий моментально обернуть оружие противника против него же самого, как мы уже видели в эпизоде с посещением тбилисского ресторана. Его излюбленный стилистический прием в рассказах о транслируемых культурой стереотипах заключается в том, чтобы с нарочитой бесстрастностью передать содержание увиденного при помощи набора редуцированных оценочных мотивов и характеристик. Так, например, изложено содержание театральной постановки колхозной самодеятельности: “There is a girl on a farm, but she is a *lazy girl* and she *does not want to work*. She wants to go to a town, and *paint her nails*, and *use lipstick*, and *be fun and degraded*. [...] Now the tractor-driver is in love with the girl who wants to paint her nails. He is really in love with her, and he *is in grave danger of losing his soul to her*. [...] He does not know what to do. Shall he give up the girl he loves, or *shall he follow her to town and become a bum?*” [9, 94-95] Однако эту пьесу, как и цирковой номер, изображающий жизнь богатых американцев, Стейнбек находит «наивной и очаровательной» (“naïve and charming”), в отличие, например, от пьесы К. Симонова

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
ПИИЦ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 8.771
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

«Русский вопрос», в которой автор обратился к теме поиска и донесения до аудитории правды в условиях идеологической конфронтации двух систем. Как известно, в «Русском дневнике» ответ автора на просьбу высказать свое отношение к произведению представлен в виде синопсиса-«перевертыша», в котором основные сюжетные узлы сохранены, но связаны с реалиями не американской, а советской социально-политической действительности, где честному журналисту приходится бросать вызов не баснословно богатому магнату, а интересам всей государственной системы: “In our play, Mr. Simonov is commissioned by *Pravda* to come to America and to write a series of articles proving that America is a *Western degenerate democracy*. Mr. Simonov comes to America, and he finds that America is not only not degenerate, but is not even Western, unless the viewing point is Moscow. Simonov goes back to Russia and secretly writes his conviction that America is not a decadent democracy. He submits his manuscript to *Pravda*. He is promptly removed from the Writers' Union. He loses his country house. His wife, a good Communist girl, deserts him, and he starves to death, just the same as the American must in his play”. [9, 107]

Почему же номер, увиденный в киевском цирке, смешон? Очевидно, потому, что карикатура и гротеск – яркие выразительные средства данного вида зрелищного искусства. Почему вызывает добродушный смех автора постановка самодеятельного театра? Именно в силу ее наивности и непрофессионализма актеров – молодых трактористов и бригадиров, основная задача которых – работать для восстановления разрушенной экономики. Почему плоха пьеса Симонова «Русский вопрос»? Потому что она принадлежит перу профессионала, и несмотря на это построена, по мнению американца, на стереотипных представлениях о специфике американской журналистики – в силу незнания автором реальности или вследствие исполнения им идеологического заказа. Почему аудитория смеется, когда автор излагает перед ней свой синопсис в качестве доказательства художественного несовершенства пьесы и того вреда, которые подобные ей сочинения могут нанести лучшему пониманию Америки и американцев? Она ценит остроумие автора, его умение с блеском выходить из затруднительных ситуаций, намекнув при этом на относительность любых формируемых в рамках войны идеологий (“he finds that America is not only not degenerate, but is not even Western, unless the viewing point is Moscow”), возможность избежать бесполезных споров. Можно по-разному оценивать заложенную в сценарий Стейнбека авторскую

интенцию, поскольку события его ненаписанной пьесы вполне могли бы стать реальностью, однако нельзя отрицать одного: к стереотипам, проникавшим в большую литературу, американский писатель и журналист по-настоящему безжалостен.

Юмор в «Русском дневнике» выступает как важная составляющая сложного комплекса идей и ценностей, присущих американскому взгляду на жизнь и общественному поведению, наряду с другими важными идеями и мифами (индивидуализм, свободная конкуренция, равенство возможностей и т.п. [15] Американизм же, проявляющийся в оценках, мнениях, манере общения путешественника, является важной составляющей образа автора, который балансирует между персонально-личностным (Стейнбек как автор текста), неформально-групповым (Стейнбек и Капа как путешественники и очевидцы, объединенные общей задачей) и формально-групповым измерениями (путешественники и их аудитория на родине), оказывая влияние на содержательный и стилистический аспект данного травелога. [16, 211] «Мы», от имени которого ведется рассказ о поездке, это, зачастую, способ установления связи с читателем, как на родине, так и в чужой стране, при помощи которого автор стремится обратить внимание на инаковость «других», трудность ее понимания и принятия.

Стейнбек в «Русском дневнике» не стесняется открыто заявлять о своем американизме и оценивать все интересующие его предметы и явления с позиций американизма. Зачастую в этом случае он прибегает к использованию таких приемов создания комического (юмористического) эффекта, как обыгрывание детали, приобретающей в силу этого символический подтекст (чуело медведя с вырванными когтями в фойе гостиницы символизирует мнимый характер опасности пребывания в стране), языковая игра (названная Эдом Гилмором “the Kremlin Crows” джазовая группа сменила название на “the Moscow River Rats”, так как не понимающая юмора (в т.ч. и американского) сторона могла бы посчитать такое название оскорблением (в названии идеологически обработанное сознание может уловить возможный намек на мрачность, жестокость, политику репрессий «Кремлевские вороны» кремлевских руководителей), доведение до абсурда (“Once, one American correspondent, in describing the city of Moscow, said that the Kremlin is triangular in shape. He found this piece of information cut out of his copy”), анекдот (например, о водителе иностранца, имеющем собственного водителя, отвозящего его на работу), игра с пространственными (“It was from this that I made

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 8.771
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

my great invention, which I offered to turn over to heavy industry. It is very simple. Reverse the process: put the taps where the drains are, and the drains where the taps are, and the whole thing would be solved”) и временными характеристиками (отзывы западных путешественников о России XX века), автопародия (It turned out that it was not our plane at all, it was the Turks' plane. And we were not letting them ride with us, they were letting us ride with them, and they didn't like I bit. We didn't want to remind them that we, as American taxpayers, were providing dollars to preserve the democracy of their grate state” [9, 187]. В комичном свете предстает, прежде всего, централизованная система управления экономикой, не позволяющая произвести достаточное количество товаров повседневного спроса, дефицит которых с огромной силой ощущается в послевоенные годы, абсурд, подозрительность, ограничения, действующие в условиях взаимного недоверия двух полярных ценностных и экономических систем. Однако именно с позиций американизма сам автор не всегда мог адекватно оценить и понять причины коллективизма, присущего русскому человеку, сосредоточенности его мечты на будущем, большого интереса к истории, приверженности традициям, приоритета совести над личным счастьем (так, например, автор «Русского дневника» не понял, почему погибла героиня пьесы «Гроза», которая всего лишь позволила поцеловать чужому мужчине кончики своих пальцев).

Выводы.

Юмор в «Русском дневнике» выступает как средство оценки увиденного, в чем можно усмотреть влияние твенновской традиции в описаниях посещения чужих стран. Этот юмор не может быть синонимом авторской наивности, которую отмечали в качестве ведущей

содержательной черты исследователи по обе стороны океана. Юмор в «Русском дневнике» - это, во-первых, отражение авторской зоркости и наблюдательности, указание на наличие у путешественника собственной точки зрения; во-вторых, важный и сознательно формируемый элемент стиля и способ удержания внимания читателей; в-третьих, своеобразный контраст напряженной атмосфере взаимного недоверия, запугивания и нарастающей конфронтации, в которой происходила поездка, поскольку адресатом произведения должны были выступать обычные американцы. Многочисленные комические пассажи – от лингвистических анекдотов (обыгрывание имени итальянской певицы Craziella – Graziella, прозвище сопровождавшего американцев сотрудника ВОКСа А. Хмарского “Kremlin Gremlin” и т.п.) до развернутых сцен (спор с Хмарским в грузинском ресторане) воспроизводят именно особенности американского национального юмора как по цели (высмеивание ограниченного мышления, находящегося под властью идеологических и иных штампов), так и по форме (игра слов, доведение очевидной ситуации до абсурда).

В изобилии представленные в «Русском дневнике» ситуации комического непонимания неравнозначны, некоторые из них предстают как имитация недогадливости и наивности, позволившая автору выразить симпатию к таким качествам человека, как находчивость, изобретательность и даже лукавство, которые всегда противостоят неподвижности и серьезности системы, подчеркнуть мысль о различии национальных характеров, проявляющемся наряду с близкими для обоих народов качествами и ценностями, передать читателю эмоционально-психологическое состояние путешественника, находящегося в чужой стране.

References:

1. Kolisnichenko, D. (2018). «Russkij dnevnik» Dzhona Stejnbeка: pochemu poluchilos vkusno, no poverhnostno». *Neva*. No.3. pp. 229-233.
2. Olejnikova, E.G. (2021). «Poslevoennyj Stalingrad glazami Dzhona Stejnbeка: socialnaja dejstvitel'nost i plany razvitija». *Dialog so vremenem*. Issue 74, pp. 286-297.
3. Kazakova, L.I. (2023). Stejnbeк v SSSR: vzgljad iz-za «zheleznoгo zanavesa» (1945-1960). ROSSICA. *Literaturnye svyazi i kontakty*. No.5, pp.71-145.
4. Pozner, V. (2017). *Predislovie*. Retrieved from https://librebook.me/a_russian_journal/vol2/1
5. Shillinglou, S. (2017). *Predislovie*. [Elektronnyj resurs]. Retrieved from https://librebook.me/a_russian_journal/vol3/1
6. Payerle, C. S. (1966). *Techniques of humor in the works of John Steinbeck. A thesis submitted in partial fulfilment of the requirements for the*

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
 ISI (Dubai, UAE) = 1.582
 GIF (Australia) = 0.564
 JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
 PIHII (Russia) = 3.939
 ESJI (KZ) = 8.771
 SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
 PIF (India) = 1.940
 IBI (India) = 4.260
 OAJI (USA) = 0.350

- degree of master of arts.* The Univ. of British Columbia.
7. Davydov, I. (n.d.). *Takie zhe ljudi, kak i my: nachalo «holodnoj vojny» glazami nobelevskogo laureata.* Retrieved from <https://republic.ru/posts/98182>
 8. Zhdanova, L. (1947). *Sovetskij Sojuz 1947 goda glazami amerikancev: «Russkij dnevnik» Dzh. Stejnbeke.* Retrieved from <https://aesthesis.ru/magazine/march17/russian-diary-steinbeck?ysclid=ltokvzu9ie890437051>
 9. Steinbeck, J. (2000). *A Russian Journal.* (p.240). London: Penguin Books.
 10. Koshelev, A.D. (n.d.). *O sushhnosti komicheskogo i prirode smeha (kognitivnyj podhod).* Retrieved from http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=820&ysclid=lty8lnlygw939245696
 11. Belova, I.V., & Pavlova, Ju.E. (2008). Leksiko-semanticheckie osobennosti voennogo slenga v amerikanskom variant anglijskogo jazyka. *Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika.* No.1(101), pp.33-39.
 12. Averchenko, A. (2018). Nechto vrode lekcii. O jumore. *Gumanitarnaja paradigma.* No. 4 (7), pp. 51-63.
 13. (n.d.). *Stereotipizacija kak metod propagandy / Tehnika dezinformacii i obmana: pod red. Ja.N. Zasurskogo.* Retrieved from https://psyfactor.org/lib/stereotype10.htm?ysclid=ltw765mztm758343504#google_vignette
 14. Holomeenko, O.M. (2021) Jetnogendernye stereotipy v traveloge E. Rozhdestvenskoj. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo.* No.5, pp. 222-228.
 15. Jacenko, N.E. (n.d.). *Tolkovyj slovar' obshhestvovedcheskih terminov.* Retrieved from <https://www.slovarnik.ru/>
 16. Polonskij, A.V. (2015) Travelog i ego mesto v sovremennoj zhurnalistike. *Vestnik TvGU. Serija Filologija.* No.1, pp. 207-215.